

ЯЗЫК И СТИЛЬ ПОЭЗИИ МАХМУДА ИЗ КАХАБ-РОСО

*Работа представлена кафедрой литературы народов
Дагестана и Востока Дагестанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор С. М. Хайбулаев*

В статье рассматривается своеобразие лирики классика аварской поэзии Махмуда в аспекте языка и стиля его поэзии, новаторство в области поэтики. Обращаясь к традиционной для аварской поэзии теме любви, Махмуд вносит неповторимый колорит в ее решение. Выражению исключительного накала чувств в лирике Махмуда служит все многообразие художественно-образительных, лексических и звуковых средств. Излюбленными средствами выразительности в поэзии Махмуда автор считает гиперболу, необычные сравнения и метафоры, синонимы и антонимы; иноязычную лексику, звуковые повторы. Возвышенно-романтический стиль и музыкальность звучания в сочетании с глубоким содержанием сделали поэзию Махмуда образцом художественного совершенства.

The distinctiveness of the lyric poetry of Mahmud, a classic of the Avar poetry, in the language and style aspect and its poetic innovation are considered in the article. Turning to the love theme, which is traditional for the Avar poetry, Mahmud brings an inimitable colouring in its development. To express an exceptional tension Mahmud uses figurative, lexical and sound means. Hyperbole, unusual similes and metaphors, synonyms and antonyms, borrowings from other languages and sound repetitions are considered to be Mahmud's favourite means of expression. Elevated romantic style and sounding musicality combined with deep content have made Mahmud's poetry a standard of artistic perfection.

В конце XIX – начале XX в. аварская поэзия развивалась под знаменем Махмуда, под плодотворным влиянием его поэзии. Л. И. Жирков, побывавший в Дагестане в 1923 г. в составе лингвистической экспедиции для изучения языков аваро-ан-

дийской группы, проникнув в духовную жизнь аварцев, отмечал, что слава и популярность Махмуда чрезвычайно высоки и, по утверждению горцев, «Махмуд, представляя явление исключительное, поднял аварскую поэзию на небывалую высоту».

Из народного отношения к любимому поэту он заключает: «Пиетет, которым окружают его имя интеллигентные и неинтеллигентные аварцы, исключительный и может сравниться с положением Пушкина в русской литературе»¹.

Махмуд верен сложившимся и устоявшимся до него поэтическим традициям, и в то же время он новатор. Г. Г. Гамзатов в статье «Махмуд традиционный, Махмуд современный», которой открывается сборник «Художественный мир Махмуда из Кахаб-Росо» (Махачкала, 1984), уже в заглавии точно обозначил эту особенность таланта Махмуда.

Так же, как и у его предшественников и современников, доминантой поэзии Махмуда является триада: я – любимая – наша любовь. В различных формах и вариациях он всю жизнь разрабатывал эти традиционные мотивы.

Своеобразие творческого почерка Махмуда заключается прежде всего в поэтике его стихотворений. Поэзия по природе своей – искусство высокого стиля. Для нее нужны слова возвышенные, емкие, звучные, чарующие, неожиданные. Махмуд поэт-романтик, но даже среди поэтов романтического мировосприятия и мироотражения он отличается высшей степенью концентрации поэтической мысли и метафоричности ее выражения.

В создании возвышенной тональности поэзии особую роль играет гипербола. Она используется как средство выражения накала чувств, для создания образа возлюбленной, романтического антуража и приподнятого стиля. Гиперболы Махмуда отличаются своей превосходностью, высшей степенью преувеличения, приукрашивания; по своему размаху и фантастичности они чрезмерны, неистощимы, необычны.

Лирический герой Махмуда считает себя человеком, покоренным чувствами небывалого накала, в полной мере испившим чашу любви, познавшим все ее перепады, нюансы, оттенки, радости и горести.

Даже воспетые народами рыцари любви не пережили такой степени страданий, дастаны и поэмы о них не могут сравниться с его историей любви, они незначительны по сравнению с драмой его жизни:

*Имруул Къайисил къиса раглана,
Къого бихъун гъечло, дир хал гъабун,
Халкъалда лъаницинал къайисзабазул,
Къо бухларав гъарим дун гурев гъечло*².

Наслышан преданий об Имруулькайсе,
Мало что он пережил по сравнению со мною.
Среди известных всем народам безумцев любви
Нет другого, кто больше меня страдал.

Кайс – легендарный герой, потерявший рассудок из-за любви, символ одержимых страстью, известный на Востоке страдалец безответной любви, имя которого стало нарицательным. В поэзии Махмуда его имя, как и имена героев восточных дастанов: Маджнуна, Карама, Кисры, Гариба, Тахира, Юсуфа, повторяется часто, и каждый раз это сравнение служит средством подтверждения исключительности его страсти, поэмы о них – легкое чтение на фоне трагедии его любви.

Отсюда и неизмеримый, неопикуемый накал страсти, всеохватывающая, всепожирающая сила любви, от которой горят тело и душа, раскалывается сердце, испепеляется тело, тают кости, вытекают глаза, лишаются жизни, т. е. все напасти, которые могут обрушиться на человека, терзают влюбленного, молния сверкает в его костях, пламенем пожираются суставы, – все, что можно было бы сказать о земном человеческом чувстве в превосходной степени, сказано в поэзии Махмуда.

Такие же сильные гиперболы поэт использует и для создания портрета любимой, привлекая для сравнения образы земные, небесные, космические, реальные и мифические, существующие и вымышленные. Все возвышенное, необыкновенное, редко встречающееся используется для лепки образа и создания необычайного настроения.

Кроме того, характерной чертой поэтического почерка Махмуда является опреде-

ление этих символов не менее удивительными, яркими эпитетами.

В качестве символов используются явления природы, растительного, животного мира, реалии, близкие горцу, воплощающие красоту, грацию, совершенство: *гланса* – «лебедь», *гьудгьуд* – «удод», *милгырцо* – «ласточка», *тлавус* – «павлин», *булбул* – «соловей», *джейран* – «серна», *ритлуч* – «олень», *бис* – «тур», *чинара* – «платан». Но рядом с ними соседствуют реалии редкие, ценные, непривычные для горской действительности: *паранг машина* – «французская машина», *Зингер машина* – «швейная машинка фирмы “Зингер”», *цлорол фонарь* – «стеклянный фонарь», *чинидул сурахли* – «фарфоровая рюмка», *исхъали* – «белое сукно», *чергес пулома* – «черкесский наряд», *ширванул глала* – «ширванская кобылица». Порою кажется, что понятийная сторона образов, ассоциации, вызываемые этими символами и сравнениями, не очень беспокоят поэта, лишь бы они были звучны, мелодично вписывались в стих.

Также богата фантазия поэта при подборе средств для создания отрицательного образа, особенно нелюбимого мужа героини, который терзает беспомощную жертву – свою жену. Все, что может вызвать отвращение, гадость, неприятные ассоциации, использовано поэтом для сравнения: *борохъ* – «змея», *салул къверкъ* – «жаба», *руз* – «сова», *гужрукъ* – «ежик», *къохъальгалач* – «ушан», *тлуцурхлама* – «навозный жук», *хъабан* – «секач», *больон* – «свинья», *больонил тлинч* – «поросенок», *бахлри* – «щенок», *чакъал* – «шакал».

В некоторых произведениях, написанных в форме диалога, для проклинания нелюбимого героиней используется целый каскад сравнений и метафор. Этими разнообразными тропами поэт создает соответствующий настрой произведения, вызывая симпатии или антипатии слушателей к созданным образам.

Ярко выраженной стилевой чертой поэзии Махмуда является использование им

всего богатства родного языка, всех его лексических пластов: синонимов, омонимов, антонимов, архаизмов, неологизмов. Излюбленным средством художественной выразительности для поэта является синоним. Махмуд редко повторяет одно и то же слово: он подбирает к нему соответствующие синонимы, создавая целый синонимический ряд. Если в одной строке он использует слово *рокъи* – «любовь», то в другой – *глицкъу* – «страсть», в третьей – *берзул балагъи* – «любование». Это не единичные случаи, а закономерность его почерка:

*Хаселго инчлого их бачлун бугин,
Элда льолеб цлар щиб, цлаларал чагъли?
Ихго бачлинчлого тлегъ баккун бугин,
Тлехъаль щиб абулеб, ал глалимзаби?
Зоб роцлун буклаго бацлцлун балеб цлад,
Бице, сихлручагъли, сундул хликматан.
Рии бухланиги хлорда цлер члвалеб,
Хликмат кинаб бугеб, колагъатзаби?»²³*

До конца зимы наступила весна,
Как это явление назвать, начитанные люди?
До прихода весны расцвели цветы,
Что об этом написано, ученые?
При ясной погоде проливающийся дождь,
Скажите, мудрецы, что за диво?
В разгаре лета озеро покрылось льдом,
Что это за диво, предсказатели?

В этом отрывке для выражения противоречивых чувств, сердечных мук использованы контрастные образы, оксюмороны, для создания которых привлекаются антонимические пары: *хасел* «зима» – *их* «весна», *зима* – *цветок*, *ясная погода* – *ненастье*, *жара* – *лед*. Как и в народной лирике, для возлюбленного из-под снега появилась трава, из-под льда – цветы.

Чтобы проникнуть в природу таких необычных явлений, герой стихотворения обращается к мудрецам, знатокам. В первом бейте использовано словосочетание *цлаларал чагъли* – «ученые мужи», во втором бейте – синонимичное слово *глалимзаби* – «ученые». Оба синонима прекрасно вписываются в стихотворение, созвучны с контекстом.

Во второй строфе в первом бейте использовано слово исконно аварское – *сих-*

Iручагли – в буквальном переводе «хитрецы», в более общем значении – «знатоки». Чтобы не повторить это слово дважды, поэт использует слово арабского происхождения *калагьатзаби* – «ясновидящие», но оформлено оно по законам аварского языка – при помощи суффикса «заби», обозначающего специальность, профессию.

Такой же подход к лексическому богатству языка проявляется во многих произведениях поэта:

*Хилаяль черх чурун, рекIкIаль кIал бацIун,
ЯцIальгана гьудул гьанже халкьагье.
Хиянаталь как бан, макруяль кIал ккун,
Кинаб алжаналде дур божи бугеб?*⁴

Хитростью умывшись, обманом утершись,
Очистилась подруга перед народом.
Изменой молясь, коварством постясь,
На какой же рай надеешься ты?

Стихотворение называется «Измена подруги». Героиня не только изменила, но и предала возлюбленного. Из биографии Махмуда известно, что он со своей возлюбленной Муьминат втайне от родни ушел в аул Ашильта, намереваясь потом послать к ее родителям сватов. Это был крайний шаг людей, оказавшихся в безвыходном положении. Когда же за девушкой пришли родственники, она заявила, что она не с Махмудом, а сама, по своим делам пришла в Ашильта и не собирается выходить за него замуж. Потрясенный таким вероломством, поэт выстонал это произведение. В одном четверостишии использовано четыре синонима с различными смысловыми оттенками: *хилла* – «хитрость», *рекIкI* – «обман», *хиянат* – «измена», *макру* – «коварство».

Эти синонимы, употребленные на небольшой поэтической площади, в одной строфе, создают градацию, очень точно выражают душевное состояние лирического героя. Для этого поэт широко использует богатство языка, его эмоционально, экспрессивно насыщенные пласты. Если бы систематизировать эту лексику по всему творчеству Махмуда, получились бы довольно объемные словари.

Чрезвычайно велика роль Махмуда в обогащении аварского литературного языка, в его усовершенствовании. Он ввел в поэзию самые различные средства языка, сделал их активной, общеупотребительной лексикой.

Многие строки поэта стали народными афоризмами, крылатыми выражениями, пословицами, поговорками, так как они содержательны, глубоки по смыслу, совершенны по художественной форме:

*БитIун ккани – рокьи, мекьи ккани – кьал,
КьучI бугеб жо гуру берзул балагьи.*

Если повезет – любовь, не повезет – война,
Безосновательная вещь – любованье глаз.

*Кьуруль нух кьосараб бисил тIанчIица,
Я нух балагьула, я хвел босула.*

Туренок, заблудившийся в скалах,
Или тропу находит, или гибель принимает.

Крылатые выражения поэта, его емкие афоризмы придают поэзии Махмуда особую прелесть, они благозвучны, мелодичны, легко запоминаются, западают в душу, создают особый настрой. К какой бы области поэтического мастерства Махмуда мы ни обратились, мы обнаруживаем новаторский подход поэта к этим явлениям. Он своеобразен и уникален во всем.

Поэт хорошо знал историю и культуру своего народа, он одним намеком мог напомнить своим слушателям сущность важных исторических событий, охарактеризовать выдающихся сынов народа, был знаком со многими известными поэтами и певцами своего времени, многое делал для распространения и сохранения этой культуры. Он явился инициатором проведения конкурсов певцов в Кахаб-Росо, Ашильта, Игали, Инхо, Харахи, Тлохе, Арадерихе. Махмуд был хорошо начитан в восточной, особенно арабоязычной поэзии, широко использовал ее образы в своих произведениях. Эта эрудиция по-своему благотворно влияла на его поэзию: она по-настоящему интеллектуальна. Этому способствовало и использование им лексики арабского языка.

ка. В его произведениях много арабизмов, которыми он свободно пользуется. В словаре его поэзии встречаются не только научные, религиозные, ритуальные термины и понятия, но и лексика самой широкой тематики и стиля: *бадру* – «полный месяц», *г1айнул х1аят* – «родник жизни», *г1ибаратал* – «примеры», *г1имарат* – «убор, одежда», *дакъикъа* – «минута», *жисму* – «облик, внешний вид», *зарра* – «атом», *зигъну* – «мысль», *кабру* – «величие», *кагъру* – «янтарь», *китбат* – «письмо, почерк», *къавлу* – «слово», *мусавир* – «художник», *паргъанг* – «словарь», *ражул* – «человек, мужчина», *расму* – «порядок, дисциплина», *санаъ* – «похвала», *т1абг1* – «природа, характер», *халилат* – «подруга», *шаклу* – «портрет», *ял* – «груз, ноша».

Перечень даже небольшой части арабизмов, использованных поэтом, показывает, что они отражают самые разнообразные жизненные реалии. Он вводил малознакомые, редко употребляемые арабские слова в активную лексику аварского языка, использовал их для усиления полисемии своих произведений, для благозвучия стиха, сохранения формы рифмовки строк и слов, для сохранения ритмического рисунка произведения.

Довольно часто в поэзии Махмуда встречаются и тюркизмы. Они привлекаются для обозначения явлений, предметов, отсутствующих в быту горцев, или же в качестве синонимов родного аварского языка: *аз-маз* – «мало-мало», *аллагъ сакъласен* – «упаси Аллах», *илмир* – «каракул», *кирит* – «замок, засов», *отар* – «хутор», *терек* – «узор, орнамент», *топ* – «пушка», *нок* – «ноша, груз», *явдхъ* – «косынка». Некоторые из них от частого повторения в быту вошли в активный фонд лексики аварского языка.

Для семантических и стилистических целей использована и русскоязычная лексика. Махмуд, работая в отходничестве в разных городах России и служа в армии среди русских солдат, овладел русским язы-

ком на разговорном уровне и использовал это знание в поэтическом творчестве. Он жил в период активного проникновения европейской цивилизации в Дагестан, и он вводит в поэзию слова, обозначающие редкие для дагестанской действительности явления и предметы: кровать, стол, стакан, рюмка, самовар, кофе, чай, лампа, диван, фабрика, магазин, вокзал, аэроплан, канцелярия и т. д. Причем он преобразовал эти слова на аварский лад. В речевой практике аварского языка стечение нескольких согласных разбавляется гласными: стол – *истол*, кровать – *карават*, приказ – *пирказ*, фронт – *поронт*.

Эта лексика служит созданию высокого стиля, приподнятой атмосферы. Так как владельцами этих новых атрибутов быта являлись состоятельные люди, поэт использует их для создания картин веселья и радости: свадеб, пиров, торжеств.

Редкое иноязычное слово, понятное в контексте родного языка, создавало особое, приподнятое настроение и в процессе длительного употребления закреплялось в языке, обогащая его лексику.

Махмуд из Кахаб-Росо был прекрасным, тонким стилистом. Его стихи ладно скроены, слова мастерски подогнаны друг к другу так, что не обнаружишь между ними стыка, разлома. Стих скреплен благозвучными повторами согласных звуков, выполняющими роль рифмы. Излюбленный стихотворный размер Махмуда – одиннадцатисложный динамичный, подвижный силлабический размер, с цезурой, делящей стих на симметричные отрезки 6 + 5 слогов:

*Гьинал рак1 х1айранаб // х1асрат бергьиндал,
Гъаваялъул чанихъ // чапула лугбал,
Балагъун чучизе // чорхол зат гуреб,
Ханасул бикаян // канлъи ун буго⁵.*

Роль парной рифмы выполняет повтор звука, содержащегося в слове из второго полустишия первого стиха, в первом полустишии следующего стиха. В данном примере повторяются **гъ** – **гъ** (*бергьиндал* – *гъаваялъул*), **х** – **х** (*чорхол* – *ханасул*). Внутри

же строки созвучия обязательно повторяются регулярно в словах перед и после цезуры: **х1 – х1** (*х1асратаб – х1асрат*), **ч – ч** (*чанихъ – чапула*), **ч – ч** (*чучизе – чорхол*), **к – к** (*бикаян – канлы*). Эта богатая звуковая инструментовка прочно сцепляет слова, не дает им выпасть из контекста, усиливает музыкальность, напевность стихов, придает им очарование и пленительность. Поэтому стихи Махмуда благозвучны в высшей степени, легко запоминаются, быстро заучиваются.

Таким образом сконструированы все произведения поэта без исключения. Махмуд добился совершенного ритмического, рифмического, фонического оформления стихотворений. Ни один аварский поэт не достиг такого уровня художественного совершенства. Поэзия Махмуда в этом плане – недостижимый образец. В этой ладности, симметрии, красоте стиха заключена пленительная сила махмудовской поэзии, они придают ей мощную стилевую, эмоциональную энергию.

Как верно отмечает профессор С. М. Хайбуллаев, «поэтическое мастерство Махмуда само по себе является трудно разгадываемым таинством, подобным волшебству, каковым является и само стихотворство. В нем он проявил себя превосходным мастером. Поэзия Махмуда – мир красоты и изящества»⁶.

Поэзия Махмуда в ее целостности является лирикой сердца. Это искреннее, задушевное, взволнованное выражение внутреннего мира поэта, содержащее в себе общечеловеческое содержание и мотивы, глубоко впадающие в сердца людей, оставля-

ющие в них неизгладимое впечатление. Она заключает в себе мощный эстетический заряд.

Махмуд, по выражению народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, «действительно великий певец, вышедший из недр народа и достойный самой большой чести».

Он создал великолепные, чарующие образы, занявшие прочное место в эстетическом сознании народа. Отличительной чертой творчества поэта является особая, возвышенная лирико-романтическая стилевая окраска. В этом плане полет его мысли, степень воображения и фантазии не знает границ и предела. Даже кривые, тесные аульские улицы, по которым ходила его любимая, плоские земляные крыши, на которые она поднималась, вдохновением поэта возвышены до вожденной мечты мусульман – желанного рая.

Внутри этого единого стилового потока выделяются различные степени, оттенки, нюансы его выражения: от восторженных до реально-приземленных. Полифоничность творчества поэта подчеркивается всеми исследователями, обращающимися к анализу его наследия: «В завораживающем потоке этих гибких, все время меняющихся ритмов, чувств, переживаний – то торжественно-приподнятых, то иронически-насмешливых, то горестно-скорбных, то взволнованно-мятежных, в динамизме стиля, живописности языка и состоит впечатляющая сила элегий Махмуда»⁷.

Чувственный мир Махмуда, говоря его же словами, является «безрадостным вздохом горящего сердца». Поэзия его полна резких контрастов, что придает его стилю неповторимый колорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Жирков Л. И.* Старая и новая аварская песня // Художественный мир Махмуда из Кахаб-Росо. Махачкала, 1984. С. 30.

² Махмуд из Кахаб-Росо. Махачкала, 1974. С. 17.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ *Хайбуллаев С. М.* История аварской литературы XVII–XIX веков. Махачкала, 2006. С. 568.

⁷ *Юсупова Ч. С.* Аварский романтизм: конец XIX – начало XX века. Махачкала, 1999. С. 238.